

Слава Вербицкий

Небо вместо писем

Слава Вербицкий

Небо вместо писем

«Автор»
2026

Вербицкий С.

Небо вместо писем / С. Вербицкий — «Автор», 2026

«Небо не умеет предавать. В отличие от людей».Что делать, если в семнадцать лет твоя жизнь разлетается вдребезги? Первая любовь оборачивается ультиматумом, мечта о Рязанском училище ВДВ разбивается о провал на экзаменах, а любимая девушка откровенно злорадствует.Но когда приходит время призыва, Пётр Савельев не пытается юлить, прятаться или косить от армии. Наперекор всему он идет в военкомат и шагает прямиком в десант, чтобы доказать: он — мужчина, а не винтик в чужой системе. Настоящая цена голубого берета: путь от вчерашнего призывника до боевого генерала.И рядом с ним пойдет женщина, которая за долгие годы научилась собирать чемоданы за пятнадцать минут и не задавать лишних вопросов, когда муж уходил в ночь по тревоге.Это история о том, как физическая боль выжигает душевные раны. О том, как, потеряв иллюзии, человек обретает истинную опору — десантное братство и верность долгу до седых генеральских висков.

© Вербицкий С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
«Иллюзия 6
Глава 2 9
Удар по самолюбию 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Слава Вербицкий
Небо вместо писем

Глава 1

«Иллюзия выбора»

«Любовь — это когда хочешь с кем-то состариться, а влюбленность — когда хочешь с кем-то перезимовать». — из школьного дневника тех лет.

Начало восьмидесятых. Время странного затишья и предчувствий. Вскользь твердили про «интернациональный долг», на стройках перевыполняли планы, а Москва, затаив дыхание, ждала XXII Олимпиаду.

Я, Петя Савельев, заканчивал десятый класс. И каждый мой день неизменно сводился к спорам о будущем.

— Сынок, ты вообще о чем думаешь? Куда ты собрался? — ворчала мама, заваривая дефицитный индийский чай с нарисованным слоном на коробочке. — Твой отец преподает в институте, дядя — зав. отделением... Сестра на психфаке МГУ латынь изучает, а ты твердишь: «Хочу в военное». Сапоги! Казарма! Портянки! Фу! Шел бы на филологический, как человек…

— Мам, ну какой из меня филолог? — я отодвинул тарелку с недоеденным сырником. — Отец цитирует Канта, сестра разбирает чужие мотивы, а я... я хочу настоящего дела. Там, — я неопределенно кивнул в сторону окна, где на стене соседней пятиэтажки белел плакат «Миру — мир!», — там сейчас история пишется. Не в чистых кабинетах.

— Историю он пишет! — всплеснула руками мать. — В сапогах сорок третьего размера? Дядя Володя мог бы тебя в МГИМО пристроить, на международные отношения...

Мама замолчала и сердито звякнула чашкой о блюдце, услышав в коридоре тяжелые шаги. Отец вернулся с работы. Он вошел в кухню — высокий, чуть сутулый от привычки склоняться над рукописями, в неизменном пиджаке с заплатами на локтях.

— Опять баталии? — тихо спросил он, снимая очки. Без них его глаза казались бесцветными и очень усталыми.

Мама тут же затараторила: — Аркадий, ну скажи ты ему! Мальчик с ума сошёл. Бокс этот его, авиамодели... ладно, это спорт. Но училище? Рязанское десантное! Он же там погибнет, там дисциплина, там дерутся... Да ты же сам понимаешь!

Отец не перебивал. Он подошел к окну, за которым сумерки медленно глотали стройплощадку нового микрорайона. Где-то там, за башенными кранами, горели огни общежитий, где «лимита» и ударники пятилетки строили светлое будущее.

— Знаешь, — произнес он наконец, не оборачиваясь. — Я вчера в архиве нашел приказ по нашему факультету от сорок первого года. Весь выпускной курс ушел. Сами! Без повесток.

— Аркадий! Сейчас не сорок первый! — вскрикнула мама.

— Сейчас всегда «сорок первый», Надя, если человек чувствует, что он мужчина, — отец повернулся ко мне. — Ты ведь поэтому рвешься? Не из-за романтики и прыжков с парашютом? Тебе просто тесно в кабинетах, где пахнет старой бумагой? Сапоги — это не «фу», Надя, — твердо сказал он, глядя на мать. — Сапоги — это фундамент, если голова на плечах есть.

Он подошел ко мне, положил руку на плечо. Рука была сухая, «профессорская», но хватка — стальная.

— В Рязанское, значит? Конкурс там — двадцать человек на место. Твои модели и разряд — это хорошо, но там будут ломать. Ты готов к тому, что фамилия отца и связи дяди там будут только мешать? Что с тебя спросят втрое больше, чтобы, не дай бог, другие не подумали, что ты «сынок»?

— Готов, пап.

Отец долго смотрел мне в глаза, словно искал в них отражение своего собственного не случившегося или отложенного когда-то выбора.

— Ну что ж. Иди к себе. Занимайся. Физику с математикой подтяни — в десанте дураков не любят, там баллистику знать надо.

Когда я выходил, я услышал, как мама всхлипнула: — Ты же его сам на смерть отпускаешь...

— Нет, — глухо ответил отец. — Я его в жизнь пускаю. Настоящую! Иди, — произнес он тише и включил радиолу «Ригонда». Из динамика, пробиваясь сквозь легкий треск, поплыл торжественный голос Магомаева.

Я вышел из кухни в темный коридор и едва не столкнулся с Таней. Она стояла, прислонившись к дверному косяку, с зажатым под мышкой тяжелым томом Леонтьева. Танюха — сестра, отличница и гордость семьи, студентка того самого престижного психфака на Моховой, явно слышала весь наш разговор от начала до конца.

— Знаешь, братик, — тихо сказала она, и в полумраке её очки блеснули отражением кухонного света. — Нас там, на факультете, заваливают теориями о сознании, но мало кто из моих однокурсников понимает, что такое настоящий поступок. А ты — понимаешь.

Я замер, не ожидая от неё такой поддержки. Обычно она подшучивала над моими увлечениями, а занятия боксом называла «сублимацией агрессии».

— Это твой «мотив-цель», как говорит наш профессор, — продолжала Таня, и голос её звучал непривычно серьезно. — Я вижу, что ты не просто хочешь надеть форму, ты принимаешь саму структуру. В этом хаосе, где многие плывут по течению и мечтают только о финских сапогах к Олимпиаде, ты выбрал стержень. Я уважаю это, Петь. Это по-настоящему взрослое решение — взять на себя ответственность.

Она сделала паузу, а потом коротко, по-мужски, утвердительно махнула рукой, словно подписывая невидимый приказ: — Дерзай!

— Ма! Па! Я на тренировку! — крикнул я, на ходу хватая спортивную сумку с выцветшей олимпийской эмблемой.

В зале пахло разогретой резиной и канифолью. Глухие удары по тяжелым мешкам сливались в единый гул, перекрываемый резкими свистками.

— Удар! Уход! Удар! Еще уход! Левой работай, Савельев! — кричал Александр Сергеевич, мой тренер, расхаживая вдоль ринга.

Он был из «старой гвардии»: сухой, жилистый, с перебитой переносицей и цепким взглядом человека, который видел в жизни не только спортзалы. Сергеич не признавал вялости. Для него бокс был не дракой, а шахматами на вылет.

— Запомни, сынок! — он на секунду придержал мою перчатку, заглядывая прямо в глаза. — Твоя цель — победа! Не участие, не «красивый бой», а победа. В десанте, куда ты мылишься, второго шанса не дают. Либо ты, либо тебя. Дыши! Еще раунд!

И я снова шел вперёд. Удар! Уход!.. В каждом движении я словно выбивал из себя остатки сомнений. Если сестра права и я выбрал «структуру», то эта структура начиналась здесь — с боли в мышцах и железного «надо».

На последнем уроке я почти не слышал учителя. Вместо формул на доске я смотрел на Светку. Какая же она красивая... Её светлые волосы мягкой волной ниспадали на плечи, делая её похожей на сказочную русалку, случайно оказавшуюся в душном классе. С пятого класса я был безнадежно влюблен в неё, и за пять лет это чувство только пустило корни глубже.

На её белом свитере зацепилась рыжая нитка. Мне отчаянно хотелось протянуть руку и снять её, но это означало бы нарушить невидимую границу, которую я сам же и выстроил. Весь час я вычислял не силу трения, а расстояние между нашими партами — ровно полтора метра и целая пропасть несказанных слов.

Вечером, когда мы вышли из школы, я понял: сейчас или никогда. Воздух был теплым, пахло пылью и весной, а вдали уже виднелись олимпийские флаги на столбах.

— Свет, я долго не знал, как сказать... В общем, ты мне нужна. Больше всех, — я выдохнул, чувствуя, как горят уши. — И я всё решил. Поступаю в высшее командное. Сразу после школы уеду. Всё будет серьезно, понимаешь? Я человеком вернусь, офицером.

Светка замерла. Улыбка, которая предназначалась для первой части моей фразы, медленно погасла. Она смотрела на меня так, словно я внезапно заговорил на иностранном языке.

— Офицером? — переспросила она, отступая на шаг. — То есть ты сейчас признался мне в любви только для того, чтобы тут же попрощаться? Петь, ты дурак? Там же устав, там же «красить траву» и беспрекословно подчиняться. Я-то думала, мы... а ты уже всё за двоих решил. Зачем мне твои будущие погоны, если за ними не будет тебя?

Она смотрела в упор, и в её глазах, обычно ясных, теперь плескалась колючая обида. Мой «мотив-цель», которым так восхищалась сестра-психолог, здесь, на школьном дворе, разбился о простую девичью логику.

Глава 2

Удар по самолюбию

«Есть такая профессия — Родину защищать». — х/ф «Офицеры» (1971 г.)

Моё заявление уже «ушло», медкомиссия военкомата признала меня годным без единой помарки — вердикт «годен к службе в ВДВ» звучал в ушах как первый аккорд марша. Но на пути к Рязани встала она — Анна Павловна.

В классе пахло мелом и свежей побелкой — школу спешно латали к экзаменам и приезду какой-то олимпийской комиссии. Анна Павловна в неизменном коричневом костюме, за который мы прозвали её Мисс Танк, стучала указкой по доске.

— Савельев, ты опять витаешь в облаках? Или ты думаешь, что в армии за тебя ЭВМ считать будет? — она поправила очки, которые на свету бликовали, как амбразуры. — Твоя контрольная — это не математика, это наскальная живопись.

Я смотрел на свои руки. Те самые, что вчера уверенно держали боксерские лапы, а сегодня мелко дрожали от злости на синусы и косинусы.

— Анна Павловна, мне в училище надо. Профильные — физика и математика.

— В училище? — она на секунду замерла, и в классе стало тихо.

Даже отличница Катя Воронцова обернулась. Она всегда сидела на первой парте, прячась за высокой стопкой учебников. Тихая, незаметная, с вечно затянутой в тугую косу русой челкой. В её огромных глазах за толстыми стёклами очков на мгновение мелькнуло что-то странное — то ли испуг, то ли восхищение. Катя была из тех, кто решал Сканави ради удовольствия, и мой внезапный порыв в десант был для неё чем-то из разряда полётов на Марс.

— С такой логикой, Савельев, тебе только в стройбат — лопатой кубы считать, — отрезала математичка. — А в офицеры... Там думать надо. Быстро. Как в футболе, только головой.

С задних парт донёсся звонкий, рассыпчатый смех. Это смеялась Светка. Королева школы, чьё фото в спортивном костюме украшало стенд «Наши надежды». Она была яркой, как июльское солнце, и недосягаемой, как заграничный журнал. Именно ради её одобрительного взгляда я вчера выжимал стокилограммовую штангу в школьном спортзале. Светка любила победителей, сильных и уверенных. А сейчас я стоял перед доской, раздавленный простым уравнением, и её смех обжигал затылок сильнее, чем позор у доски.

Я садился на место, чувствуя, как горит лицо. Светка уже шепталась о чём-то с соседом, потеряв ко мне всякий интерес. А Катька Воронцова всё еще смотрела на меня. Потом она быстро, будто испугавшись собственной смелости, пододвинула по парте листок, на котором аккуратным бисерным почерком было расписано решение моей злосчастной контрольной.

Я хмуро отодвинул листок. Помощь отличницы — это был еще один удар по самолюбию. Я хотел быть героем для Светки, а не объектом жалости для Кати.

Вечером дома состоялся тяжелый разговор. Отец молча курил на балконе — редкий случай, обычно он берег мамины нервы.

— Тройка по математике, сын, — это не просто оценка, — сказал он, выпуская дым в сторону строящихся пятиэтажек. — Это твоя недисциплинированность. Ты привык побеждать силой, а тут нужно терпение. Если не вытянешь экзамен —

десант закончится, не начавшись. Пойдешь в обычный призыв осенью. Рядовым. В Афган или в монгольские степи — как повезёт.

Слова отца хлестнули больнее, чем затрещина тренера. До выпускного оставались считанные недели. По радио крутили: «Реет в вышине... Ещё до старта далеко, далеко, далеко...», а я заперся в комнате. На столе лежали гантели, а рядом — ненавистный задачник Сканави.

Я понимал: если сейчас не «дожму» эту женщину-танк и свои собственные мозги, то мечта о небе останется пылиться в авиамодельном кружке.

Сестра! — подумал я. — У Таньки всегда были пятёрки... Но у неё же самой сессия, вряд ли согласится. Ещё и этот её ухажёр из меда.

Сестра действительно была вариантом сомнительным. У неё на носу летняя сессия в МГУ, а это вам не шутки: зачёты, бессонные ночи в «Ленинке» и её постоянный кавалер Вадик. Вадик учился в Первом меде, носил модные вельветовые брюки и смотрел на меня, десятиклассника, как на досадную помеху в интерьере нашей благополучной квартиры. А может я просто мешал ему остаться наедине с Танюшей...

Я приоткрыл дверь в её комнату. Пахнуло духами «Быть может» и крепким кофе. Таня сидела, заваленная учебниками по «мозгоправству», а рядом, по-хозяйски развалившись в кресле, Вадик лениво листал какой-то дефицитный журнал.

— Тань, — шепотом позвал я. — Помощь нужна. С тригонометрией беда... Анна Павловна меня завалит.

Сестра даже голову не подняла, только откинула со лба прядь волос: — Петька, ты время видел? У нас завтра экзамены. А математика — это логика, которой у тебя после ринга, видимо, не осталось.

— Слушай, «десантник», — Вадик лениво усмехнулся, не отрываясь от журнала. — Зачем тебе косинусы? В армии главное — копать отсюда и до обеда. Оставь науку тем, у кого мозги не отбиты.

Внутри у меня что-то коротнуло. Те самые «гены», про которые говорила мама, или просто боксерская привычка держать удар. Я посмотрел на его чистые, холеные руки, на его абсолютную уверенность в том, что его-то жизнь уже расписана по нотам между клиникой и папиной дачей.

— Ты, Вадик, если что, меня потом в госпитале латать будешь, — тихо сказал я. — Так что молись, чтобы я хорошо учился.

Вадик поперхнулся шуткой, а сеструха вдруг подняла глаза. Впервые за вечер она посмотрела на меня не как на младшего брата, а как на человека, который действительно собрался туда, откуда не все возвращаются в вельветовых брюках.

— Ладно, — она с грохотом захлопнула толстенный атлас. — Слышишь, Вад, иди-ка ты... в коридор. Покури. У меня тут спецзадание.

Когда за ухажёром закрылась дверь, Таня придвинула ко мне задачник.

— Садись, «Рязань». Слушай внимательно. Анна Павловна не злая, она просто терпеть не может, когда ученики сдаются. У нас есть три ночи. Если не заснешь — вытяну.

Эти три ночи в преддверии лета восьмидесятого я запомнил навсегда. За окном цвела сирень, Москва замирала в ожидании олимпийского праздника, а мы на кухне, под аккомпанемент тихого урчания холодильника «Бирюса», штурмовали высоты, которые были покруче любых десантных вышек.

На экзамене я сидел перед Анной Павловной и уверенно твердил о теореме косинусов. Наша классная Галина Николаевна кивала, будто что-то понимала, а физрук Андрей Дмитриевич делал умный вид.

— Что же, на четвёрочку натянул, — произнесла математичка, заполняя экзаменационную ведомость.

Четверка! Для кого-то это был повод для расстройства, но для меня в тот момент эта отметка сияла ярче любой золотой медали. Это был мой пропуск через границу, которую я сам себе нарисовал между детством и той неизвестностью, что ждала впереди. Анна Павловна вывела цифру «4» — размашисто, с нажимом, словно печать ставила. Галина Николаевна облегченно выдохнула: её класс шел на выпуск без ЧП. А физрук подмигнул мне. Он-то знал, чего мне стоил этот рывок — он сам видел, как я после тренировок оставался в зале, чтобы не идти домой, где мать снова начнет капать на мозги своим институтом.

— Иди, Савельев, — сухо сказала математичка, закрывая ведомость. — Но помни: в небе ошибки стоят дороже, чем на бумаге. Там пересдач не бывает.

Я вышел из кабинета в пустой школьный коридор. Солнце заливало паркет, пахло мастикой и пылью. В висках еще стучало: «Квадрат стороны — это сумма квадратов двух других сторон минус их двойное произведение на косинус угла между ними» — моя личная формула победы.

Выпускной вечер. Июнь 1980-го. Москва уже была вычищена до блеска, на дорогах появились новенькие желтые «Икарусы» с олимпийской символикой. А мы слушали торжественные речи в актовом зале, танцевали под «Сентябрь» «Землян», девчонки в белых фартуках плакали, а я не выпускал Светку из объятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.